

B O A R D O F S T U D I E S
NEW SOUTH WALES

О чём думал герой (What the Hero was Thinking About)

**Reproduction of the short story What the Hero was Thinking About for use by
teachers with the Russian Background Speakers Stage 6 Syllabus**

Every effort has been made to contact all copyright owners. The Board of Studies NSW apologises if it has inadvertently used material in which copyright resides. For acknowledgement in future editions please contact the copyright officer at the Board of Studies NSW.

The Board of Studies NSW recognises that, to the best of our knowledge, copyright resides with the author.

© The author, U Nagibin, 1974.

Published by
Board of Studies NSW
GPO Box 5300
Sydney NSW 2001
Australia

Tel: (02) 9367 8111

Internet: <http://www.boardofstudies.nsw.edu.au>

May 2001

2001247

О чём думал герой

После своего исторического полета Юрий Гагарин стал нарасхват. Его хотели видеть все страны и все народы, короли и президенты, люди военных и штатских профессий, самые прославленные и самые безвестные. И Гагарин охотно встречался со всеми желающими, не пренебрегая даже королями, – разве человек виноват, что родился королем? Но охотнее всего шел он к курсантам летных училищ, как бы возвращался в собственную юность, в ее лучшую, золотую пору.

Как-то раз, когда официальная встреча уже закончилась и дружеский разговор переключался из торжественного зала в чахлый садик на задах летной школы, один из курсантов спросил, заикаясь от волнения:

– Товарищ майор... этого... о чем вы думали... тогда?

– Когда «тогда»? – спросил с улыбкой Гагарин и по тому, как дружно грохнули окружающие, понял, что задавшему вопрос курсанту в привычку вызывать смех.

Когда-то так же смеялись каждому слову Юры Дергунова – в ожидании шутки, остроумной выходки, розыгрыша, но тут было иное – смех относился к сути курсанта. Гагарин пригляделся к нему внимательней: большое незагорелое лицо, вислый нос, напряженные и какие-то беспомощные глаза, толстые ноги иксом. Да, не Аполлон. И не Цицерон к тому же – вон, никак не соберет слова во фразу.

– Ну, в общем... я чего хотел спросить... когда вы по дорожке шли?..

Курсанты снова грохнули, но Гагарин остался подчеркнута серьезен, и смех сразу погас.

– Вы имеете в виду Внуковский аэродром? Рапорт правительству?

– Во... во!.. – обрадовался курсант, достал из кармана мятый носовой платочек с девичьей каемкой и вытер вспотевший лоб.

Теперь уже все были серьезны, и не по добровольному принуждению, а потому, что наивный вопрос курсанта затронул что-то важное в молодых душах. Гагарин шел через аэродром на глазах всего мира, и это было для них кульминацией жизни Героя, сказочным триумфом, так редко, увы, выпадающим на долю смертного. О чем же думал Герой в это высшее мгновение своей жизни?..

И Гагарин с обычной чуткостью уловил настроение окружающих, значительность их ожидания. Конечно же, ребята мечтают о подвигах, о невероятных полетах, о славе и ждут чего-то высокого и одухотворенного. Герой должен был думать о планетарном, вселенском, вечном. Они хотят получить сейчас и Небо, и Звезды, и Человечество, и Эпоху, и все Высшие ценности...

Но Гагари молчал, и пауза угрожающе затянулась. Он был сейчас очень далеко отсюда, от этого чахлого садика, теплого вечера, юношеских доверчивых лиц, в другом времени и пространстве.

...В тот раз в одиночке сурдокамеры держали не так уж долго, но он чувствовал себя на редкость плохо: болела и кружилась голова, мутило, тело казалось чужим, а ноги ватными. Может, что-то там испортилось, нарушилась подача воздуха?.. Но Королев спрашивает испытуемых о самочувствии, и все как один молодежато отвечают: «Отлично!» – «К выполнению задания

готовы?» – «Так точно!» Неужели одному ему так не повезло? «Как самочувствие, товарищ Гагарин?» «Отличное... - Нет, он не может врать Королеву и без запинки добавляет: - Хотя и не очень». «К выполнению задания готовы?» – «Сделаю, что могу, но лучше бы в другой раз». И в результате – высшая оценка. То было, оказывается, испытание на честность. Им специально создали тяжелые условия в камерах. Но ведь нельзя считать, что ты сдал испытания на честность раз и навсегда. Всю жизнь человек сдает эти испытания и в большом и в малом. Да и есть ли что малое в державе нравственности?

– Видишь ли, дружок, – сказал Гагарин носатому курсанту, – у меня тогда развязался шнурок на ботинке. И я об одном думал, как бы на него не наступить. Не то, представляешь, какой позор – в космос слетал, а тут на ровном месте растянулся...

...Ночью курсант никак не мог уснуть. Он ворочался на койке, вздыхал, крикая, что-то бормотал.

– Да угомонишься ты, черт тебя подери! – не выдержал сосед.

– Слушай, – без обиды сказал курсант и сел на койке. – А ведь я тоже мог бы, как Гагарин...

– Что-о?.. Ты... как Гагарин?..

– А вот и мог бы... думать о шнурке...

Сосед уткнулся носом в подушку, и в темноте казалось, будто он плачет. Но и тут курсант не обиделся, понимая, что по обыкновению не сумел выразить свою справедливую мысль. Он тысячи раз повторял в воображении подвиг Гагарина и твердо знал: если его пошлют в космос, он не оплошает. Не дрогнет. Разве что побледнеет. И даже песню споет в космосе, если надо, хотя ему медведь на ухо наступил. Но когда он пытался представить себя в средоточии мирового внимания, душа в нем сворачивалась, как прокисшее молоко. Он видел себя на космодроме, видел в космическом корабле, но не видел на красной тропочке славы, по которой легко, уверенно, сосредоточенно и радостно прошагал Гагарин. Ведь чтобы идти так на глазах всего света, надо что-то большое нести в себе. А он, курсант, постоянно думал о всякой чепухе: о девушках, футболе, кинофильмах, мелких происшествиях окружающей жизни, несданных зачетах, и где бы стрельнуть сигарету и сапожной ваксой разжиться, и как славно было бы отпустить усы... Такому пустому, нулевому человеку нечего делать в скрещении мировых лучей. И, следуя обратным ходом, он начинал сомневаться в своих возможностях совершить подвиг. А если не будет подвига, то зачем тогда жить?..

Гагарин вернул ему веру в себя. Впервые за много дней курсант засыпал счастливым.